

ДОБРО

СОСЕДСТВО

СОВМЕСТНЫЙ
ПРОЕКТ
ПОСТОЯННОГО
КОМИТЕТА
СОЮЗНОГО
ГОСУДАРСТВА
И ЖУРНАЛА
«РОДИНА»

«Родина» позиционируется как журнал о прошлом и настоящем России. Но как представить ее историю, ее созидание без братьев-белорусов! «Родина» всегда с радостью встречает желанных и дорогих соседей. Добрососедство — так называется совместный с Постоянным Комитетом Союзного государства проект, в котором мы рассказываем о самых ярких страницах в летописи белорусской земли. О ее щедрости и неповторимых красках, подвижниках и героях, свершениях и легендах.

Были материалы о легендарном Герое Советского Союза Льве Доваторе и выдающемся просветителе Симеоне Полоцком, а сегодня мы расскажем об уникальном Ветковском музее старообрядчества и белорусских традиций имени Федора Григорьевича Шклярова.

Шедевры на Ветке

Музей в старообрядческом городке Ветка на Гомельщине свято хранит традиции мастеров мирового уровня

01

02

Завет старообрядки

— Дед мне поведал вот такую легенду. В XVII веке, гонимые из центра России старообрядцы* искали место, где бы могли поселиться. Вот они и пустились по реке Сож икону с привязанной к ней веткой. Решили: к какому берегу прибьет икону — там и будут жить. Прибило к тому, где сейчас наш город Ветка, — Галина Григорьевна Нечаева, директор Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций имени Ф.Г.Шклярова готова часами (в самом прямом смысле — **Ред.**) рассказывать об истории своих предков. Тем более, что три музейных этажа с бесценными экспонатами буквально располагают к этому.

— Старообрядчеству в наших местах более трехсот лет, но еще совсем недавно можно было совершать удивительные открытия. Вот одно из них. В 1983 году мы вместе с основателем нашего музея Федором Григорьевичем Шкляровым зашли в один дом в старообрядческой деревне, а там бабушка у окна книгу читает, да жалуется, что шрифт мелковат, глаза не те... Шкляров увидел книгу, побледнел, руки затряслись, шепчет мне: да это же Иван Федоров! XVI век! Начали беседовать — оказалось, книгу передавали из поколения в поколение. Мы объяснили хозяйке дома, что это за книга, предложили выкупить для музея. И они на семейном совете решили передать ее нам в дар, а Ирина Григорьевна Долгова, та самая, что читала у окна, сказала про книгу: это не она наша, а мы ее! И с тех пор эти золотые слова стали для нас про-

граммными, независимо от того с какой конфессией мы работаем, с кем общаемся.

Музей начинается с ворот

Музей в Ветке открылся в 1978 году. Сначала это была комната в клубе. Директором стал местный коллекционер Федор Григорьевич Шкляров. Впрочем, Федор Григорьевич кем только не был — приезжие художники считали за честь сходить с ним на этюды, а резчики по дереву всегда советовались с ним. В старообрядческих семьях Шклярова хорошо знали (он и сам из их рода), ему доверяли, поэтому и коллекция музея росла как на дрожжах. Да и свою собственную коллекцию он перенес в музей. Вскоре музей переехал в дом купца Грошикова, а потом еще и стал обрастать пристройками. Нынче в 11 залах — уникальные древние книги, редкие иконы, шедевры чеканки, шитья бисером, золоченой резьбы по дереву. А еще огромное количество резных наличников и подзоров и, возможно, одна из крупнейших коллекций тканых рушников — три с половиной тысячи...

Удивительные деревянные ворота — лицо музея — вырезали сами сотрудники.

— Федор Григорьевич был первоклассным столяром и резчиком, под его руководством я и главный хранитель Светлана Ивановна Леонтьева, бывало, по девять часов работала, года два на это ушло, — вспоминает Галина Григорьевна. — Шкляров любил говорить: нам не надо казенщины, вот и получилось необычно...

* Старообрядцы — приверженцы религиозных течений в русле русских православных традиций, которые не признали Никонскую церковную реформу (1652 года). Жестко преследовались властями и официальной церковью. В 2000 году на Архиерейском соборе Русская православная церковь за границей принесла покаяние перед старообрядцами.

°1
Гостей Ветки встречает православный крест.

°2
Лицо музея – расписные ворота.

°3
В залах музея.

°4
Директор музея Галина Григорьевна Нечаева в реставрационной мастерской.

Мастера Большой Ветки

Бывает так, что музей — это застывшее собрание экспонатов. В Ветке не так. Здесь не только академический обзор и шикарные интерьеры, здесь показывают, как реставрируются, переплетаются, пишутся, как раскрашиваются старинные книги (есть действующий печатный станок), учат распознавать древние знаки на иконах, понимать смысл замысловатых орнаментов на рушниках, видеть образы в резьбе по дереву...

— Исследователи старообрядчества употребляют термин Большая Ветка, в который территориально включают юго-запад Брянской области, север Украины, юго-восток Гомельщины с центром в районе Покровского монастыря XVIII века — единственном, где можно было опрашивать обряды по-старинному. И в этом регионе жили и трудились

десятки настоящих мастеров: иконописцев, кузнецов, ткачей, чеканщиков... — рассказывает Галина Григорьевна. — Большинство из них так и остались неизвестными, ведь подписать свою работу, будь то книга или икона — это значит выдать себя, а ведь старообрядцев преследовали...

Эти безвестные крестьяне, купцы, простые мещане, как сейчас выясняется, были мастерами мирового уровня! Причем их работы были «живыми», то есть делались не для выставок, а для жизни.

Вот какое письмо у нас сохранилось, обращение к мастеру-чеканщику Злотникову:

«Милостивый государь Николай Панкратьевич. Прошу я вас по сем рисунку сработать ризу серебряную с вызолоткой, только не чажолоу, полегче, прошу я вас сделать ее поскорей, постарайтесь прислать к нам уеленку, сколько она будет стоить, то пишите нам. Доброжелателька к вам Александра Шелепова 1891 года 26 сентября».

Многострадальная культура

— Изначально я — учитель русского языка и литературы, но всегда увлекалась семиотикой, исследующей, как известно, свойства знаков и знаковых систем, — продолжает рассказ Галина Григорьевна. — Поэтому наш музей, может быть, единственный в регионе, в котором семиотический принцип взят за основу, иначе мы бы никак не подняли столь разнородные пласты и этноконфессиональные группы. Образное мышление и способ переводить с одного языка символов на другой помогли нам объединить дисциплинарное и худо-

ШКЛЯРОВ УВИДЕЛ КНИГУ, ПОБЛЕДНЕЛ, РУКИ ЗАТРЕЯЛИСЬ, ШЕПЧЕТ МНЕ: ДА ЭТО ЖЕ ИВАН ФЕДОРОВ! XVI ВЕК! НАЧАЛИ БЕСЕДОВАТЬ — ОКАЗАЛОСЬ, КНИГУ ПЕРЕДАВАЛИ ИЗ ПОКОЛЕНИЯ В ПОКОЛЕНИЕ.

жественное мышление. Музей—это всегда дело энтузиастов. К примеру, во время экспедиций в старообрядческие деревни мы много лет записывали за бабушками и дедушками, что означает тот или иной знак на иконе, на вышивке, потом шел долгий процесс изучения, изучали материалы по этнике, по археологии... Так приходило понимание, что, к примеру, означают ромбы на рушниках (или двойные ромбы), что означают кресты (косые или прямые), как они должны чередоваться... А ведь до 1979 года я сама видела в рушниках только красивые тряпочки. То же самое и в резьбе. Такие тератологические мотивы (изображения фантастических и реальных стилизованных зверей в орнаменте — Ред.), как у наших резчиков вы не встретите ни на Волге, ни в Кижях, ни в Суздали... У каждого свое. Жаль, подлинные традиции прерваны, есть кустари-одиночки, но не более. Мастеров настоящих почти не осталось. Слава богу, у нас есть резчик-реставратор Андрей Валерьевич Скидан... Есть у нас мастера

05

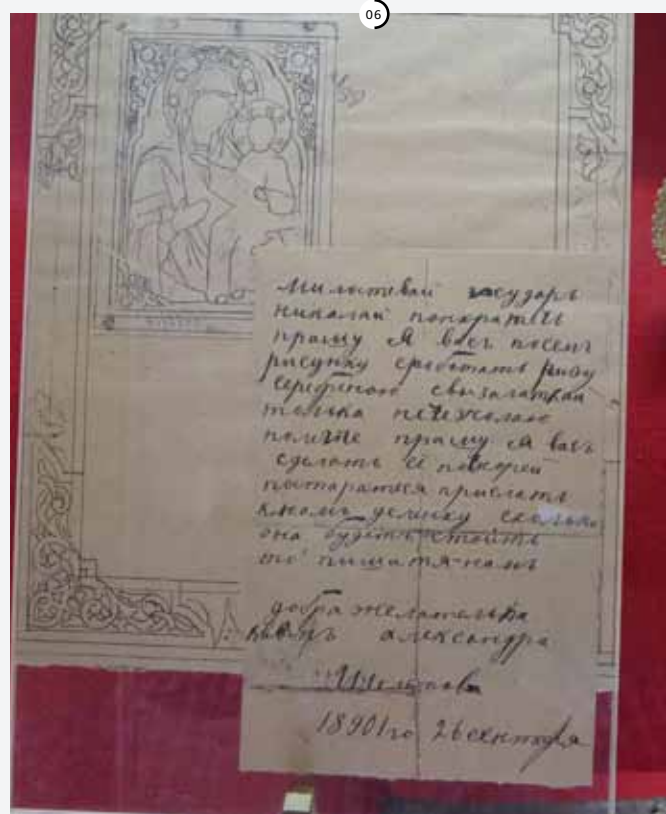

РИСУНКИ ДЛЯ РУШНИКОВ НАШИМИ ПРЕДКАМИ ДО НАС ВСЕ ПОДОБРАНЫ. ПРОСТО МЫ ИХ ОБОГАЩАЕМ ЧЕМ-ТО СВОИМ ПО НАСТРОЕНИЮ. ЛЮДИ ЖЕ НЕ ХОТЯТ ОДИНАКОВУЮ ОДЕЖДУ НОСИТЬ

ткачества в деревне Неглюбка—съездите к Людмиле Васильевне Ковалевой, поговорите, как они продолжают дело бабушек. Неглюбские рушники есть в музеях Москвы, Питера, Лондона, даже в «Метрополитен-музее» в Нью-Йорке...

Вообще жизнь так складывалась, что сохранять традиции было непросто. Сколько всего пропало и сколько людей погибло во время двух «выгонок» старообрядческой Ветки царскими карательными войсками в 1735 и 1764 годах. Потом в 30-х годах прошлого века советская власть устраивала настоящие погромы: из моленных домов и церквей выносились буквально все. Мало что местным удалось спасти. Потом была Великая Отечественная. Здесь в Ветке три месяца стоял фронт. Полсела выгорело. Ну и чернобыльская катастрофа в 1986 году довершила нападе-

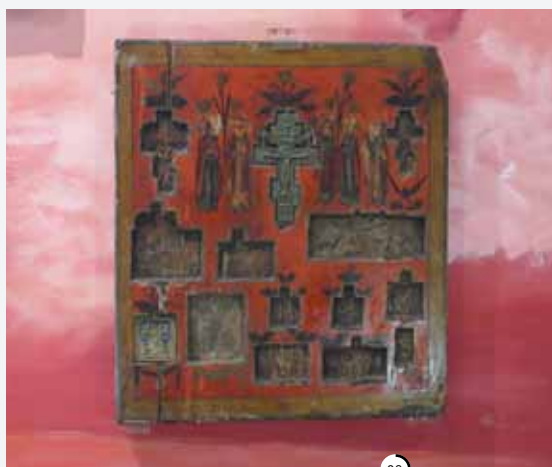
06

°5
Издание первопечатника Ивана Федорова.

°6
Письмо к мастеру-чеканщику в 1891 году.

07

08

ние на местную культуру. 57 населенных пунктов в районе были выселены. Потомков носителей старообрядческой культуры дети разобрали по своим семьям. Старики разъехались по всему миру. Уезжая, вытаскивали из киотов иконки — в городскую квартиру-то много не поставишь, брали самое святое, родное да насущное. А в те годы музеи почти не финансировались, так много ценного и пропало. Помнится, в 1987-м пожилая старообрядка Матрена Андреевна Черноглазова перед отъездом пришла в музей, осмотрела все и сказала: «Детки мои, вы думаете, что у вас тут — это все что было. Не-е-ет! Это ноготь от мизинца от всего человека что был». Это живая образность мышления и речи — вот, что поражает в людях. Традиции!

И все-таки, мне кажется, мы восстанавливаем духовные структуры, позволяем человеку через наш музей общаться с предками, чтобы получать внутренние духовные силы, изживать из себя плембейское, верить, что культура не исчезнет.

Резчик Андрей Скидан: собираем все, чтоб не пропало

Резчик по дереву Андрей Скидан нынче работает на дому — на окраине Гомеля. В огороде пара сара-

°7

Реставратор икон Елена Карпенюк.

°8

Покидая дома после Чернобыльской катастрофы, люди выдирали иконки из оклада: все с собой не унесешь...

°9

Художник-реставратор резчик Андрей Скидан.

ев сверху донизу забыты старыми оконными рамами, резными наличниками, другой домовой резьбой.

— Был я научным сотрудником Ветковского музея, а теперь перевелся в мастера. Художник-реставратор. Восстанавливаю наши коллекции архитектурной домовой резьбы, — Андрей Валерьевич раскладывает на столе под яблоней потрепаные временем резные наличники. — У нас самая большая коллекция в Белоруссии. Началось все со Шклярова. Он с разрушающихся домов обязательно снимал все красивое. Народ его за чудака принимал. Со временем это приобрело планомерную деятельность. Многому мы не дали пропасть после Чернобыльской катастрофы. Кроме того, у нас есть несколько десятков тысяч фотографий деревянной архитектуры: дома, хозяйственные постройки, дворы, которых уже давно не существует. Короче запасники забыты под завязку.

— А для чего вы все это собираете, если это вряд ли когда-нибудь будет выставлено?

— Хватательный рефлекс. Для музейщика это нормально, надо брать, чтоб не пропало.

— В Ветке до сих пор много частных домов украшенных резьбой...

— Ваше «много» — это очень мало. Раньше Ветка вся резная была. А то, что осталось, это последние работы, исполненные в 50–60-х годах, послевоенное строительство. Тот же Кузьма Карасев, известный позолотчик киотник-резчик постарался. В то время киоты на иконы уже никто не заказывал, вот он и переключился на наличники. Еще можно кое-где найти стилистику барокко — этакий растительный орнамент, райский сад. Но все это с прошлых времен.

09

10

11

— Кто-то кроме вас может нынче делать резные наличники?

— С современным-то инструментом это дело нехитрое. Но, во-первых, у современных мастеров нет ни чутья, ни опыта предков. А, во-вторых, нет востребованности. Нынче в моде сайдинг (виниловая имитация деревянной облицовки — **Ред.**), для меня это подчеркнутое уродство. Ведь дом — это же архитектурная композиция, тут нельзя смешивать несовместимое. Тем не менее, люди массово на это идут. Это изменение сознания. Поэтому мастера не нужны, хотя могли бы работать...

Рушник для Президента

В деревне Неглюбка 76 школьников. И все умеют ткать: и девочки, и мальчики. Ткать умели и все старые жители. Лет пятнадцать назад в деревне был филиал Гомельской фабрики художественных изделий, сорок человек профессионально производили и скатерти, и салфетки, и разные комплекты-наборы и, конечно, рушники... Но все закрылось — нерентабельно. Ткачихи разбежались, а Людмила Васильевна Ковалева собрала четыре станка и открыла в клубе кружок. Если б не она, ткаческая традиция в Неглюбке умерла бы. В деревне шутят, что с тех пор у них три сумасшедших: сама Ковалева, Елена Демчихина и Татьяна Суглоб — все трое ткачихи кружка.

— У нас двери открыты, кто, когда хочет поработать, тот тогда и приходит — и взрослые, и дети. Однажды я захожу, слышу шум, а это школьники учат ремеслу начальника Ветковского отдела культуры, который к нам заглянул, — смеется Людмила Васильевна. — Дело-то нехитрое, два-три раза посмотрел и садись за станок. Вон шестиклассница Ульянка прибежала, хочет себе чехол для мобильного смастерить.

° 10

Продукция неглюбкинских ткачих.

° 11

Ткачиха Людмила Ковалева.

— Почему спрос упал?

— В каждой области свои мастера. Кроме того, нынче и в магазинах фабричных товаров полно. Но такие рушники, как у нас, ни одна машина не делает.

— Да китайцы с японцами какую хочешь программу придумают...

— А ведь до сих пор никто не придумал. Ручная работа — есть ручная... Ковры ведь тоже ручные особо ценятся.

— На этом удается зарабатывать?

— Одними продажами семью не прокормить. Если б не помощь сверху — закрылись бы. Хотя сейчас снова стали больше брать, на свадьбы, на хлеб-соль, на иконы, это же не штамповка фабричная. Сама я научилась ткать, после того как 37 лет назад приехала в Неглюбку замуж выходить.

— Рисунки для рушников как подбираете?

— Да они же нашими предками до нас все подобраны. Просто мы их обогащаем чем-то своим по настроению. Люди же не хотят одинаковую одежду носить, так и тут. Рисунки как ноты, тех ведь всего семь, а песен вон сколько. Так и мы с рисунками.

— Говорят, вы для Президента Республики Беларусь какой-то особый рушник выткали...

— В прошлом году Александр Григорьевич Лукашенко приезжал в Ельск, там были мероприятия, посвященные 30-летию чернобыльской катастрофы. Вот я 30-метровый рушник и выткала, вручила ему, он в ответ мне руку поцеловал, сказал, что такого подарка ему еще никто не дарил. Какой орнамент на том рушнике? Закладание интересное — означает расцвет. Тут уж меня Галина Григорьевна из Ветковского музея консультировала, объясняла, что к чему...